

А. ЛУНАЧАРСКИЙ*

Владимир Ильич Ленин**

В первый раз я услышал о Ленине после выхода книжки «Тулина»*** от Аксельрода. Книжки я еще не читал, но Аксельрод мне сказал: «Теперь можно сказать, что и в России есть настоящее социал-демократическое движение и выдвигаются настоящие социал-демократические мыслители». «Как, — спросил я, — а Струве, а Туган-Барановский?» Аксельрод несколько загадочно улыбнулся (дело в том, что раньше он очень высоко отзывался о Струве) и сказал мне: «Да, но Струве и Туган-Барановский — все это страницы русской университетской науки, факты из истории эволюции русской ученой интеллигенции, а Тулин — это уже плод русского рабочего движения, это уже страница из истории русской революции».

Само собой разумеется, книга Тулина была прочитана за границей, где я в то время был (в Цюрихе), с величайшей жадностью и подверглась всяческому комментарию.

Ленин**** решил прочесть большой реферат на тему о судьбах русской революции и русского крестьянства*****.

На этом реферате я в первый раз услышал его как оратора. Здесь Ленин преобразился. Огромное впечатление на меня и на мою жену произвела та сосредоточенная энергия, с которой он говорил, эти вперенные в толпу слушателей, становящиеся почти мрачными и впивающиеся, как бурава, глаза, это монотонное, но полное силы движение оратора то вперед, то назад, эта плавно текущая и вся насквозь зараженная волей речь.

Я понял, что этот человек должен производить как трибун сильное и неизгладимое впечатление. А я уже знал, насколько силен Ленин как публицист — своим грубоватым, необыкновенно

* Анатолий Васильевич Луначарский (1875–1933) — русский революционер, советский государственный деятель, писатель, переводчик, публицист, критик, искусствовед. С октября 1917 по сентябрь 1929 г. — первый нарком просвещения РСФСР, активный участник революции 1905 г. и Октябрьской революции. Академик АН СССР (1930).

** Из книги «Великий переворот» (Единственный неповторяемый. Екатеринбург, 1914. С. 23–28).

*** Имеется в виду статья «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (Отражение марксизма в буржуазной литературе)», опубликованная под псевдонимом «К. Тулин» в 1895 г. — *Авт.*

**** В Женеве. — *Ред.*

***** В мае-июне 1903 г. — *Ред.*

ясным стилем, своим умением представлять всякую мысль, даже сложную, поразительно просто и варьировать ее так, чтобы она отчеканилась, наконец, даже в самом сыром и мало привыкшем к политическому мышлению уме.

Я только позднее, гораздо позднее узнал, что не трибун, и не публицист, и даже не мыслитель — самые сильные стороны в Ленине, но уже и тогда для меня было ясно, что доминирующей чертой его характера, тем, что составляло половину его облика, была воля, крайне определенная, крайне напряженная воля, умевшая сосредоточиться на ближайшей задаче, но никогда не выходявшая за круг, начертанный сильным умом, которая всякую частную задачу устанавливала как звено в огромной мировой политической цепи.

Кажется, на другой день после реферата мы, не помню по какому случаю, попали к скульптору Аронсону, с которым я был в то время в довольно хороших отношениях. Аронсон, увидев голову Ленина, пришел в восхищение и стал просить у Ленина позволения вылепить, по крайней мере, хотя модель с него.

Он указал мне на замечательное сходство Ленина с Сократом. Надо сказать, впрочем, что еще больше, чем на Сократа, похож Ленин на Верлена.

В то время карьеровский портрет Верлена в гравюре вышел только что, и тогда же был выставлен известный бюст Верлена, купленный потом в Женевский музей.

Впрочем, было отмечено, что Верлен был необыкновенно похож на Сократа. Главное сходство заключалось в великолепной форме головы.

Строение черепа Владимира Ильича действительно восхитительно. Нужно несколько присмотреться к нему, чтобы вместо первого впечатления простой большой лысой головы оценить эту физическую мощь, контур колоссального купола лба и заметить, я бы сказал опять-таки, физическое излучение света от его поверхности.

Скульптор, конечно, отметил это сразу.

Рядом с этим более сближающие с Верленом, чем с Сократом, глубоко впавшие, небольшие и страшно внимательные глаза. Но у великого поэта глаза эти мрачные, какие-то потухшие (судя по портрету Карьера) — у Ленина они насмешливые, полные иронии, блестящие умом и каким-то задорным весельем. Только когда он говорит, они становятся действительно мрачными и словно гипнотизирующими. У Ленина очень маленькие глаза, но они так выразительны, так одухотворены, что я потом часто любовался их бессознательной игрой.

У Сократа, судя по бюстам, глаза были скорей выпуклые.

В нижней части опять значительное сходство, особенно когда Ленин носит более или менее большую бороду. У Сократа, Верлена и Ленина борода росла одинаково, несколько запущенно и беспорядочно. И у всех трех нижняя часть лица несколько бесформенна, сделана грубо, как бы кое-как.

Большой нос и толстые губы придают несколько татарский облик Ленину, что в России, конечно, легко объяснимо. Но совершенно, или почти совершенно, такой же нос и такие же губы и у Сократа, что особенно бросалось в глаза в Греции, где подобный тип придавали разве только фантастическим сатирам. Равным образом и у Верлена. Один из близких к Верлену друзей прозвал его калмыком. На лице великого мыслителя, судя по бюстам, лежит именно прежде всего печать глубокой мысли. Я думаю, однако, что если в передаче Ксенофонта и Платона есть доля истины, то Сократ должен был быть веселым и ироническим и сходство в живой игре физиономии было, пожалуй, с Лениным большее, чем дает бюст. Равным образом в обоих знаменитых изображениях Верлена преобладает то тоскливое настроение, тот декадентский минор, который, конечно, доминировал и в его поэзии, но всем известно, что Верлен, особенно в начале своих опьянений, был весел и ироничен, и я думаю опять-таки, что сходство здесь было большее, чем кажется.

Чему может научить эта странная параллель великого греческого философа, великого французского поэта и великого русского революционера?

Конечно, ничему. Она разве только отмечает, как одна и та же наружность может принадлежать, правда, быть может, приблизительно, равным гениям, но с совершенно разным направлением духа, а во-вторых, дала мне возможность описать наружность Ленина более или менее наглядным образом.

Когда я ближе узнал Ленина, я оценил еще одну сторону его, которая сразу не бросается в глаза: это поразительную силу жизни в нем. Она в нем кипит и играет. В тот день, когда я пишу эти строки, Ленину должно быть уже 50 лет, но он и сейчас еще совсем молодой человек, совсем юноша по своему жизненному тону. Как он заразительно, как мило, как по-детски хохочет и как легко рассмешить его, какая склонность к смеху — этому выражению победы человека над трудностями. В самые страшные минуты, которые нам приходилось вместе переживать, Ленин был неизменно ровен и также склонен к веселому смеху.

Его гнев также необыкновенно мил. Несмотря на то что от грозы его, действительно, в последнее время могли гибнуть десятки людей, а может быть и сотни, он всегда господствует над своим негодованием и оно имеет почти шутиливую форму. Этот гром,

«как бы резвяся и играя, грохочет в небе голубом». Я много раз отмечал это внешнее бурление, эти сердитые слова, эти стрелы ядовитой иронии, и рядом был тот же смешок в глазах и способность в одну минуту покончить всю эту сцену гнева, которая как будто сама разыгрывается Лениным, потому что так нужно. Внутри же он остается не только спокойным, но и веселым.

В частной жизни Ленин тоже больше всего любит именно такое непритязательное, непосредственное, простое, кипением сил определяющееся веселье. Его любимцы — дети и котята. С ними он может подчас играть целыми часами.

В свою работу Ленин вносит то же благотворное обаяние жизни. Я никогда не скажу, чтобы Ленин был трудолюбив, мне никогда как-то не приходилось видеть его углубленным в книгу или согнувшимся над письменным столом. Пишет он страшно быстро, крупным размашистым почерком; без единой помарки набрасывает он свои статьи, которые не стоят ему никакого усилия. Сделать это он может в любой момент, обыкновенно утром, встав с постели, но и поздно вечером, вернувшись после утомительного дня, и когда угодно. Читал он все последнее время, за исключением, может быть, короткого промежутка за границей, во время реакции, больше отрывками, чем усидчиво, но из всякой книги, из всякой страницы он вынесет что-то новое, выкопает ту или другую нужную для него идею, которая служит ему потом оружием.

Особенно зажигается он не от родственных идей, а от противоположных. В нем всегда жив ярый полемист.

Но если Ленина как-то смешно назвать трудолюбивым, то трудоспособен он в огромной степени. Я близок к тому, чтобы признать его прямо неутомимым; если я не могу этого сказать, то потому, что знаю, что в последнее время нечеловеческие усилия, которые приходится ему делать, все-таки к концу каждой недели несколько надламывают его силы и заставляют его отдыхать.

Но ведь зато Ленин умеет отдыхать. Он берет этот отдых как какую-то ванну, во время его он ни о чем не хочет думать и целиком отдается праздности и, если только возможно, своему любимому веселью и смеху. Поэтому из самого короткого отдыха Ленин выходит освеженным и готовым к новой борьбе.

Этот ключ сверкающей и какой-то наивной жизненности составляет рядом с прочной шириной ума и напряженной волей, о которой я говорил выше, — очарование Ленина. Очарование это колоссально: люди, попадающие близко в его орбиту, не только отдаются ему как политическому вождю, но как-то своеобразно влюбляются в него. Это относится к людям самых разных калибров и духовных строений — от такого тонко вибрирующего огромного таланта,

как Горький, до какого-нибудь косолапого мужика, явившегося из глубины Пензенской губ., от первоклассных политических умов, вроде Зиновьева, до какого-нибудь солдата и матроса, вчера еще бывших черносотенцами, готовых во всякое время сложить свои буйные головы за «вождя мировой революции — Ильича».

Это фамильярное название «Ильич» привилось так широко, что его повторяют и люди, никогда не видевшие Ленина.

Когда Ленин лежал раненный, как мы опасались, смертельно, никто не выразил наших чувств по отношению к нему лучше, чем Троцкий. В страшных бурях мировых событий Троцкий, другой вождь русской революции, вовсе не склонный сентиментальничать, сказал:

«Когда подумаешь, что Ленин может умереть, то кажется, что все наши жизни бесполезны, и перестает хотеться жить».

Вернусь к линии моих воспоминаний о Ленине до великой революции.

В Женеве мы работали вместе с Лениным в редакции журнала «Вперед», потом «Пролетарий». Ленин был очень хорошим товарищем по редакции. Писал он много и легко, как я уже говорил, и относился очень добросовестно к работам своих коллег: часто поправлял их, давая указания, и очень радовался всякой талантливой и убедительной статье.

Отношения у нас были самые добрые. Ленин очень скоро оценил меня как оратора: он чрезвычайно не любит делать какие бы то ни было комплименты, но раза два отзывался с большим одобрением о моей силе слова и, опираясь на это одобрение, требовал от меня возможно частых выступлений. Некоторые наиболее ответственные выступления он обдумывал со мной заранее.

В первой части нашей жизни в Женеве до января 1905 года мы отдавались, главным образом, внутренней партийной борьбе.

Здесь меня поражало в Ленине глубокое равнодушие ко всяким полемическим стычкам, он не придавал большого значения борьбе за заграничную аудиторию, которая в большинстве своем была на стороне меньшевиков. На разные торжественные дискуссии он не являлся и мне не особенно это советовал. Предпочитал, чтобы я выступал с большими цельными рефератами.

В отношении его к противникам не чувствовалось никакого озлобления, но тем не менее он был жестоким политическим противником, пользовался каждым их промахом, раздувал всякие намеки на оппортунизм, в чем была, впрочем, доля правды, потому что позднее меньшевики и сами раздули все тогдашние свои искры в достаточно оппортунистическое пламя. На интриги он не пускался, но в политической борьбе пускал в ход всякое оружие, кроме грязного. Надо сказать, что подобным же образом вели себя

и меньшевики. Отношения наши были довольно-таки испорчены, и мало кому из политических противников удалось в то же время сохранить сколько-нибудь человеческие личные отношения. Особенно отравил отношения меньшевиков к нам Дан. Дана Ленин всегда очень не любил, Мартова же любил и любит, но считал и считает его политически несколько безвольным и теряющим за тонкою политической мыслью общие ее контуры.

С наступлением революционных событий дело сильно изменилось. Во-первых, мы стали получать как бы моральное преимущество перед меньшевиками. Меньшевики к этому времени уже определенно повернули к лозунгу:

толкать вперед буржуазию и стремиться к конституции или, в крайнем случае, демократической республике. Наша, как утверждали меньшевики, революционно-техническая точка зрения увлекала даже значительную часть эмигрантской публики, в особенности молодежь.

Мы почувствовали живую почву под ногами. Ленин в то время был великолепен. С величайшим увлечением развертывал он перспективы дальнейшей беспощадной революционной борьбы и страстно стремился в Россию.